

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

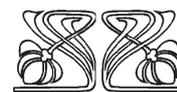
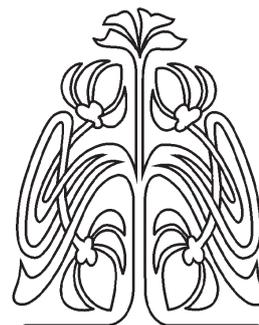
Рецензия на книгу: Буганова А. В. Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX – начала XX в. : Историко-этнографическое исследование. М. : Принципиум, 2013. 296 с.

В настоящее время в гуманитарном знании очень популярным является антропологический подход и изучение способов «человеческого видения мира» в многочисленных и разнообразных категориях культуры («мир и мышление о нем погружены в то, что по своему происхождению чуждо, а значит окультурено»¹). Такой способ постижения истории делает особенно актуальными исторические исследования, направленные на общественное сознание и историческую память. Пожалуй, одной из самых сложных и трудоемких проблем в данном направлении является коллективная историческая память. Тема становления и развития национального самосознания в России XIX в. до сих пор преимущественно изучается применительно к интеллектуальным и социальным элитам. На этом фоне исследования, специально посвященные массовому сознанию крестьян, продолжают оставаться достаточно редким явлением. С выходом в свет монографии А. В. Буганова, в которой рассматриваются исторические воззрения русских крестьян XIX – начала XX в., историческая литература пополнилась интересным и многоплановым научным опытом.

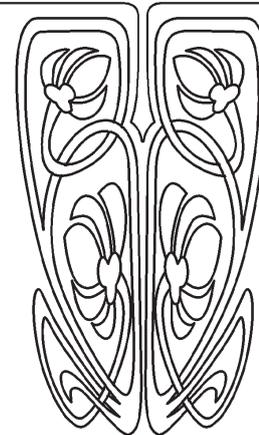
Автору книги, учитывая наличие отдельных работ историков, так или иначе связанных с изучением исторических представлений русского крестьянства, удалось определить собственный ракурс исследования. В его центре – отражение в памяти крестьян личностей и событий русской истории (следует отметить, что основное внимание уделяется именно *личностям*, в то время как *события* на протяжении всей книги имеют скорее фоновую роль). Признание роли личности в истории стало уже практически «общим местом» в науке и публицистике, но влияние выдающихся исторических личностей на формирование национального самосознания все еще остается малоизученным аспектом. Вторая особенность авторского подхода к теме связана с тем, что монография представляет собой историко-этнографическое исследование и основана на широком круге историко-этнографических материалов. Интерес к сознанию русского крестьянства как основного хранителя этнических традиций вполне оправдан.

А. В. Буганов поставил перед собой задачу выявить собирательные образы страны и народа, складывавшиеся в массовом сознании крестьян и определить исторические факторы, которые оказали воздействие на этот процесс. Структура монографии содействует последовательному решению поставленной задачи. Четыре из шести глав посвящены четырем ключевым в историческом сознании крестьян группам личностей: царям, военачальникам, религиозным подвижникам и предводителям восстаний.

Книга основана на обширном комплексе опубликованных и архивных источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Среди них произведения исторического фольклора (исторические предания и песни), агиографические источники и ответы на программы научных обществ XIX–XX вв. Последняя группа источников представляет очень большой интерес, но, вместе с тем, является весьма сложным для исследования материалом. Значительная часть авторских выводов основана на анализе сведений, собранных Русским географическим обществом и Этнографическим бюро князя В. Н. Тенишева. Кроме того, привлечены отдельные материалы из семи региональных архивов и фондов собирателей фольклора. Хотелось бы при этом видеть в тексте монографии более содержательную информацию о деятельности научных этнографических обществ, о личностях

**КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ**

собираателей фольклора. Отсутствие источниковедческой критики (а в данном случае было бы уместным, не ограничиваясь введением, уделить данному сюжету отдельную главу) является причиной того, что исследовательский потенциал избранных автором темы и материала остается не до конца реализованным. А. В. Бугановым не поставлен вопрос о том, кто, почему и каким образом, изучая воззрения крестьян, составлял анкеты и проводил опросы. Как известно, исторический источник (и особенно *устный*) «отвечает» только тому, кто задает вопросы и только на те вопросы, которые заданы. Из поля зрения автора уходит тот факт, что представления крестьян об исторических личностях дошли до нас в *записи*, сделанной носителями другой, внеположной культуры, и их роль не должна игнорироваться. Досадное чувство оставляет и некоторый пробел в историографической части введения, в тех ее страницах, где речь должна идти о трудах дореволюционных ученых. А. В. Буганов учитывает только философско-теоретический, мировоззренческий аспект зарождения интереса к русскому народу и упоминает ключевые в данном отношении имена А. С. Хомякова, П. И. Киреевского, П. Я. Чаадаева, Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева, М. О. Кояловича и др., но ничего не говорит о формировании непосредственно историко-этнографических исследований русского народа. Вызывает вопросы и отсутствие источниковедческой критики в отношении такого специфического источника, как агиографические сочинения, которые определяются автором как «публикации об отечественных подвижниках благочестия» (с. 21). У читателя возникает естественный вопрос о том, в какой степени и форме различные духовные издания и сочинения церковных деятелей, в числе которых жизнеописание подвижников благочестия XVIII и XIX столетий, отражают сознание крестьян. Представляется также, что было бы полезным более активно привлекать и такие виды источников, как крестьянские мемуары или секретные материалы III отделения, собранные в процессе отслеживания крестьянских настроений как составной части общественного мнения. Разумеется, их использование не является обязательным для историко-этнографического исследования, но все-таки оно было бы полезным в целях комплексного анализа содержания этнографических материалов.

Первая, по своему значению вводная, глава монографии содержит интересную и зачастую по-новому осмысленную информацию о факторах формирования крестьянских оценок истории и современности. Материал главы охватывает не только устную традицию (исторический фольклор, слухи и толки, рассказы очевидцев, проповеди в церквях), но и влияние книжности. В главе поставлен вопрос об отношении крестьян к грамотности и учению. Плодотворным и исто-

рически верным следует признать авторский подход к проблеме, не ограниченный традиционной ссылкой на невысокий процент грамотности, а учитывающий широкую распространенность среди крестьян традиции чтения вслух. А. В. Буганов показал роль устроителей библиотек, книготорговцев, организаторов публичных чтений и фактор крестьянской инициативы. Страницы этой главы вводят читателя в круг крестьянского чтения, рассказывая о распределении книжных интересов и предпочтений. Вывод о популярности среди крестьян литературы на исторические темы (наряду с духовно-нравственными сочинениями) важен для понимания последующих глав. Читателю будут небезынтересны приведенные в главе мнения по данному вопросу различных писателей, от Н. М. Карамзина до автора лубочных сочинений Ивана Ивина.

Самой большой по объему и центральной по значению для раскрытия авторской концепции является вторая глава монографии, названная «Авторитет власти». Образ царя рассматривается в ней как символ государственности России и воплощение ее религиозной и национальной идентичности (с. 79). Анализ разнообразных историко-этнографических материалов позволил А. В. Буганову сформулировать три характерные черты народного взгляда на верховного правителя страны. Это восприятие царя как Помазанника Божия (царь православный); глубочайшая укорененность семейно-родственного отношения к нему («царь-батюшка») и восприятие государства и личности государя через призму определяющей ценности справедливости (царь справедливый, «надежда-царь», царь – защитник простого народа). Особенности народного восприятия верховной власти и ее носителя определяли как сам отбор ключевых для народного сознания конкретных представителей династии, так и специфику преломления их деяний и событий периода правления в исторической памяти крестьянства.

Исследование А. В. Буганова свидетельствует о том, что к числу самых популярных царей в массовом сознании крестьян относились Иван Грозный, Петр I, Александр I и Александр II. При этом содержание главы хорошо раскрывает неоднозначность отношения к этим фигурам. В частности, автор учитывает влияние регионального аспекта в крестьянских оценках личности и деятельности царей. Так, в Поволжье оценки Ивана Грозного приближались к идиллически-хвалебным, в то время как новгородские и псковские предания сохраняли память о жестокости, грехе и покаянии; старообрядческая традиция устойчивее всего хранила легенду о Петре I как «подменном» царе или «царе-антихристе». Тем не менее, автор монографии приходит к заключению о подавляющей распространенности в общей массе крестьян образа царя как носителя сильной власти, защищающей простой народ, и конкретных «воспоминаний» о борьбе царя с бо-

ярской (дворянской, чиновничьей, генеральской) изменой. Читатель узнает из книги А. В. Буганова целый ряд интересных, а порой удивительных, народных преданий и легенд о разных царях, как например, об Иване Грозном – «мужицком царе», якобы имевшем демократическое происхождение и даже выбранном в цари из бедняков (с. 84). Материал главы о народном восприятии русских царей подтверждает факт инерционности фольклорной традиции, наделявшей исторически отделенных веками деятелей схожими чертами, допуская смещение и наложение событий во времени и т. п.

В работе А. В. Буганова показана эволюция восприятия конкретных носителей верховной власти в народном сознании, которую определяли такие факторы, как расширение социального круга крестьянства, влияние образованного общества, осмысление современных событий. Следствием этих факторов стал более критический подход к событиям и лицам истории и современности. Автор фиксирует тот факт, что в начале XIX в. образ царя уже начинает тускнеть, оставляя более значительное место образам патриотов-полководцев, а ко времени Николая II реальностью становится процесс разрушения монархических идеалов. В связи с этим большой интерес представляют страницы, посвященные распространности легенд о «царях-избавителях». По определению А. В. Буганова, «традиционная линия идеализации царя соседствовала в народном сознании с социально-утопическими устремлениями, нередко воплощавшимися в образе государя *ожидаемого*, противопоставленного реальному» (с. 111). Более конкретные черты образ царя-избавителя приобретал с появлением самозванца, но в целом этот образ имел различное наполнение и в XIX в. оставался по-прежнему актуальным. В монографии высказана мысль о том, что в народном сознании последний эпизод ожидания избавителя связывался с личностью великого князя Константина Павловича как настоящего законного наследника в сравнении с императором Александром I. Но следует заметить, что отголоски или своего рода рудименты такой формы осмысления образа царя встречались и позже. В частности, существуют мемуарные свидетельства о том, что в начале правления Александра II в народе высказывались суждения о том, что настоящим наследником является не он, а Константин Николаевич, поскольку он был рожден уже в тот момент, когда его отец стал императором, в то время как Александр Николаевич «родился от великого князя».

В отношении второй главы монографии могут быть высказаны и критические суждения. В частности, вряд ли стоило выделять в отдельный параграф материал о князьях в исторической памяти крестьянства, так как в итоге автор все-таки приходит к выводу о том, что «в целом о княжеской эпохе в народе почти забыли» (с. 77).

К тому же, такое состояние историко-этнографических материалов заставило автора переходить к достаточно пространным рассуждениям непосредственно об отдаленной исторической эпохе и ее представителях, сбиваясь с собственного предмета исследования об их отражении в массовом сознании крестьянства. Нельзя не заметить, что порой А. В. Буганов не только показывает идеализацию образов царей в народе, но и обнаруживает собственную склонность идеализировать личности государей.

С содержанием и выводами второй главы монографии перекликается пятая глава о «бунте в русском самосознании», несмотря на то что в структурном построении эти две главы разделены другими сюжетами исследования. А. В. Буганов аргументировал следующее положение: «Всякое государственное неустойство в народе объясняли тем, что царская воля искажается или вовсе не исполняется. Народ бунтовал только тогда, когда был убежден в том, что с ним поступают против воли царя» (с. 253). В целом автор постарался преодолеть идеологически заданные стереотипы восприятия предводителей народных восстаний (когда они выступают либо «наиболее последовательными выразителями классовых ценностей», либо, напротив, «разбойниками и бандитами») и показал многогранность и неоднозначность отражения их образов в памяти русского крестьянства. Ценным наблюдением является сюжет о переплетении в народном отношении к бунтарям мотивов социального протеста и христианского смирения. Так, предания о Степане Разине отразили образ народного избавителя и в то же время великого грешника, мучающегося за совершенные злодеяния. Автор показал на примере преданий о предводителях восстаний инерционность фольклорной традиции, перемешивавшей исторические черты с мифологическими и сказочными сюжетами, эффект временного смещения и наложения событий («у Ермака в товарищах» оказываются Степан Разин, Ванька Каин и Гришка Отрепьев и т. п.). Но читатель может легко заметить определенную неравномерность авторского интереса к разным сюжетам своего исследования: по объему пятая глава в четыре раза меньше второй.

Третья глава книги посвящена изучению «авторитета духовной личности» в массовом сознании русских крестьян. Религиозный аспект духовной жизни народа долгое время недооценивался, причем такая традиция возникла еще в дореволюционный период. Многие современные авторы отмечают невнимательное отношение историков и этнографов XIX–XX вв. к религиозным воззрениям крестьянства². Поэтому внимание автора к проблематике этой главы вполне оправданно. А. В. Буганов обращает внимание читателя на популярность среди крестьян агиографических сочинений, почитание чудотворных икон, персонификацию календарных дней года

по наиболее почитаемым святым, большое значение для XIX в. феномена старчества. Особенное внимание автор уделит народному восприятию подвижников благочестия XIX в. Но содержание третьей главы монографии отличается от ее основного текста, прежде всего потому, что меняется характер используемых источников. Автор опирается почти исключительно на житийную литературу и различные церковные сочинения.

В четвертой главе монографии рассматривается, каким образом в народной среде воспринимали и оценивали военачальников («воинство»). Используя солдатский фольклор, исторические предания и песни, отзывы корреспондентов Этнографического бюро, А. В. Буганов реконструировал характерные черты народного восприятия «оберегателей» и «стоятелей» русской земли. Автор показал представления о служении как высочайшей добродетели, опиравшиеся на героическую, (былинную, богатырскую) традицию средневековья и православный идеал воина. Вообще, в тексте главы достаточно убедительно представлена роль православной веры в формировании народных представлений о войне и воинстве (уверенность в божьей помощи в военном деле, почитание чудотворных икон, деятельность полковых священников и т. д.). Список представленных на страницах этой главы народных героев-военачальников достаточно обширен и охватывает персоналии от Дмитрия Пожарского до генералов Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Среди авторских наблюдений читатель отметит

вывод о постоянном конфликте в историческом фольклоре и народном сознании народного героя и правителя (либо представителей правящей верхушки, «изменщиков-генералов»).

Проделанное А. В. Бугановым историко-этнографическое исследование массового сознания крестьянства позволило ему сформулировать вывод, имеющий современное звучание: «Именно соответствие деятельности людей прошлого устойчивым народным воззрениям об общественном служении наряду с масштабностью совершенного делало их *историческими личностями*. Такое отношение к выдающимся деятелям отечественной истории русские люди пронесли через многие столетия и передали в XX век».

Примечания

- ¹ Вжосек В. Культура и историческая истина / пер. с польск. К. Ю. Ерусалимского. М., 2012. С. 23.
- ² См., напр.: Кузнецов С. В. Культура русской деревни // Очерки русской культуры XIX века : в 6 т. Т. 1 : Общественно-культурная среда. М., 1998. С. 204 ; Майорова А. С. История культуры Саратовского края : Культура Саратовского края до начала XX века. Саратов, 2013. С. 38.

О. В. Кочукова,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
Института истории и международных отношений
Саратовского государственного университета

Рецензия на учебное пособие: Майорова А. С. История культуры Саратовского края : Культура Саратовского края до начала XX века. (Часть 1. Конец XVIII – первая половина XIX века). Саратов: Издат. центр «Наука», 2013. 236 с.

Рецензируемая книга представляет собой учебное пособие для студентов-историков Саратовского государственного университета, изучающих спецкурс «История культуры Саратовского края». Кроме того, по замыслу автора, она адресована учителям школ и всем интересующимся историей Саратовского Поволжья.

Под термином «Саратовский край» автор, продолжая сформировавшуюся в историографии XIX столетия традицию, понимает территорию Саратовской губернии, к которой относилась территория современной Саратовской области и большая часть современной Волгоградской области. В тот период времени, которому посвящено учебное пособие, данная территория представляла собой единое пространство, как в административном, так во многом и в экономическом и культурном отношении.

Хронологические рамки учебного пособия охватывают период со времени создания Саратовского наместничества в 1780-х гг. и до 1850-х гг. В середине XIX века, в результате реализации Великих реформ Александра II, в Поволжье

произошли важные изменения, затронувшие все сферы жизни общества, в том числе и в области культуры.

Во введении А. С. Майорова обозначила теоретико-методологические основания и принципы своей работы. Развивая мысли ряда отечественных философов и методологов исторической науки, автор обосновала возможность выделения региональной культуры Саратовского Поволжья в качестве предмета научного исследования и соответствующего учебного курса.

По аргументированному мнению автора, несмотря на то что население Саратовского Поволжья в изучаемый период было полиэтничным, роль системообразующего элемента в общем процессе культурного развития играла культура русского народа. Несмотря на относительную многочисленность проживавших на территории Саратовской губернии иностранных поселенцев, они составляли достаточно замкнутое сообщество и не оказывали заметного влияния на культурное развитие региона. Исходя из этого, автор сделала предметом своего рассмотрения